

13 Июля 1929 г.

№ 28.

КРАСНАЯ ПЯНОРАМА

А. П. ЧЕХОВ И ВСТРЕЧИ С НИМ

В. Вересаев

Я познакомился с Чеховым в Ялте весной 1903 года. Повез меня к нему Горький, который с ним был знаком уже раньше.

Неуютная дача на пыльной Аутской улице. Очень покатым двор. По двору расхаживает ручная журавль. У ограды чахлые деревца.

Кабинет Антона Павловича. Большой письменный стол, широкий диван за ним. На отдельном столике, на красном картонном щите, веером расположены фотографические карточки писателей и артистов с собственноручными подписями. На стене печатное предупреждение: «просят не курить».

Чехов держался очень просто, даже как будто немножко застенчиво. Часто покашливал коротким кашлем и плевал в бумажку. На меня он произвел впечатление удивительно деликатного и мягкого человека. Объявление «просят не курить» было как будто повешено не просто с целью избавить себя от необходимости говорить об этом каждому посетителю, мне показалось, это было для Чехова единственным способом попросить посетителей не отравлять табачным дымом его больных легких. Если бы не было этой надписи и посетитель бы закурил, я не представляю себе, чтобы Чехов мог сказать: «пожалуйста, не курите, — мне это вредно».

Горький в своих воспоминаниях о Чехове приводит несколько очень резких его ответов навязчивым посе-

тителям. Рассказывает он например, как к Чехову пришла полная, здоровая, красивая дама и начала говорить «под Чехова»:

— Скучно жить, Антон Павлович! Все так серо: люди, небо, море... И нет желаний... душа в тоске... Точно какая-то болезнь...

И Чехов ей ответил:

— Да, это болезнь. По-латыни она называется morbus pritvorialis?

Совершенно не могу себе представить Чехова, так говорящего со своей гостьей. После ухода ее он мог так сказать, — это другое дело. Но в лицо...

Для меня очень был неожидан острый интерес, который Чехов проявил к общественным и политическим вопросам.

Говорили, да это чувствовалось и по его произведениям, что он человек глубоко аполитический, общественными вопросами совершенно не интересуется, при разговоре на общественные темы начинает зевать.

Чего стоила одна его дружба с таким человеком, как А. С. Суворин, издатель газеты «Новое Время». Теперь это был совсем другой человек: видимо, революционное электричество, которым в то время был

перезаряжен воздух, встряхнуло и душу Чехова. Глаза его загорались суровым негодованием, когда он говорил

А. П. Чехов — 1903 г.

А. П. Чехов в своем кабинете в Ялте (1903 г.). — В камин (слева, вделано панно работы худ. Левитана

о неистовствах Плеве, о жестокости и грубости Николая II.

За чаем Антон Павлович рассказал, что недавно получил письмо из Одессы от одного почтенного отца семейства. Тот писал, что девушка-дочь недавно ехала на пароходе из Севастополя в Одессу, на пароходе познакомилась с Чеховым. И как не стыдно! Пишете, господин Чехов, такие симпатичные рассказы, а позволили себе приставать к девушке с гнусными предложениями...

А я никогда из Севастополя и не ездил в Одессу.

Когда Чехов рассказывал, глаза искрились смехом, улыбка была на губах, но в глубине его души, внутри чувствовалась большая, сосредоточенная грусть.

И еще сильнее я почувствовал эту его грусть, когда через несколько дней, по телефонному вызову Антона Павловича, приехал к нему проститься. Он уезжал в Москву, радостно укладывался, говорил о предстоящей встрече с женой, Ольгой Леонардовной Клишнер, о милой Москве.

О Москве он говорил как школьник о родном городе, куда едет на каникулы, а на дбу лежала темная тень обреченности. Как врач, он понимал, что дела его очень плохи.

Узнал, что я в прошлом году был в Италии.

— Во Флоренции были?

— Был.

— Кianti пили?

— Еще бы.

— Ах, Кianti!.. Еще бы раз пональ в Италию, понить бы Кianti... Никогда уже этого больше не будет.

Накануне, у Горького, мы читали в корректуре новый рассказ Чехова «Невеста» (он шел в мирно-любовском «Журнале для всех»).

Антон Павлович спросил:

— Ну, что, как вам рассказ?

Я помаленьку решил высказаться откровенно.

— Антон Павлович, не так девушки уходят в революцию. И такие девицы, как ваша Надя, в революцию не идут.

Глаза его взглянули с суровой настороженностью.

А. П. Чехов — 1904 г.

Снимок сделан за два месяца до смерти

Чехов. Рассказ «Невесту» искромсал и переделал в корректуре. Из этого заключаю, что может быть Чехов в этом направлении что-то исправил и нашел более подходящим для своей

Нади, чтобы она ушла не в революцию, а просто в учебу.

Все это интересно в том смысле, что под конец жизни Чехов сделал попытку, — пускай неудачную, от которой сам потом отказался, — но все таки попытку вывести русскую девушку на революционную дорогу.

КАБИНЕТ А. П. ЧЕХОВА В ЯЛТЕ

У стола стоит кресло, в котором А. П. Чехов каждое утро читал газеты. Прочитывая одну за другой, он обыкновенно складывал их справа от себя в большую кучу. Однажды как-то взглянув на них, он сказал: „Когда на том свете бог спросит меня, почему я так мало писал, скажу: газеты читал“

— Тула разные бывают пути.

Был этот разговор двадцать пять лет назад, но я его помню очень ясно. Однако меня теперь берет сомнение: не напутал ли я здесь чего? В печати я тогда этого рассказа не прочел. А сейчас перечитал: вовсе в революцию девица и не идет.

Выведена типическая безвольная чеховская девушка, кузен подбивает ее бросить жениха и уехать в столицу учиться, она уезжает чуть ли не накануне свадьбы и там, в столице, учится и работает. Но учится и работает не в том смысле, как в то время это понималось в революционной среде, а в специально-чеховском смысле: учится вообще наукам и вообще работает, как например работали у Чехова Дядя Ваня и Соня в пьесе «Дядя Ваня».

В чем тут дело? Я ли напутал, или Чехов переработал рассказ?

Интересно было бы сравнить корректурный оттиск рассказа «Невеста» с окончательной его редакцией.

Я слышал, что корректурный оттиск этот с чеховскою правкою хранится в одном из музеев.

Через месяц я получил от Чехова письмо, и там между прочим он сообщает: «кое-что по-

Обложка № 28

«КР. ПАН.» напечатана

на офсетных машинах в мастерских типографии

«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»

Ленинград.